

*И протянул он к ней руки.
И громко взмолился.
Но было уже поздно.
Ведь не всегда жизнь давала второй шанс.*

Принц Эбелон и Крестель,
Наследие вечных

Пролог

Королевство меди и олова выстроилось перед нами, словно огромный часовой механизм. Металлические пластины, похожие на шестеренки, устремлялись в небо и вращались на знойном ветру, окутавшем нас, как вуаль, которую я натянула на глаза.

«Взоры бесценны. Лица рассказывают истории. А глаза могут лгать», — всегда говорила Зан Захрай. Именно поэтому анонимность, прилипшая к нашему народу, как пустынная пыль к одежде, имела такую ценность.

Мы все были измучены долгим путешествием. Поэтому блеск столицы королевства Купфоа мы комментировали лишь усталыми улыбками, которые посылали друг другу. Местные жители называли ее Медным городом. Обычное название, но все же королевское, как и само ее появление.

Столица будто, словно солнце, пока мы сливались с тенями ее домов, словно оборотни, меняющие об-

лик. Потому что по праздникам мы, *стэндлеры*, тоже имели право на убежище. Несмотря на то, что город из меди и олова никогда не любил принимать нас у себя вне этих дней. Я смутно припоминала дни своего детства, проведенные в Медном городе. Крыши переливались серебром и медью, а высокий фасад зданий был выполнен из благородного полированного стекла. Улицы вымощены отшлифованным красным камнем. А люди блистали бронзой загорелой кожи. Возможно, именно поэтому медные жители и не хотели нас видеть. Мы были похожи на них, но наши глаза сияли красками мира. Их, напротив, были серебряными. Почти такими же, как большие шестеренки, которые в приветствии мелькали перед нами. У нас, стэндеров, не было постоянного дома.

Весь мир был нашим домом.

Мои ноги болели и требовали холодной воды. Медный город окружала тихая река, которую можно было пересечь через стальной мост. Там мы разобьем наш лагерь. Поставим палатки и повозки, в которых мы всегда отдыхали после долгих праздничных дней и ночей. Развесим разноцветные ткани на натянутые бельевые веревки и позволим им танцевать на теплом ветру. Разожжем костер, чтобы прогнать тьму. И наши голоса вызовут у металлического города такую дрожь, которую я ощущала в своих ярких воспоминаниях. Там, где была жизнь, мы чувствовали себя как дома.

Словно прочитав мои мысли, Зан Захрай, старейшина, указала новеньким среди нас на укромное ме-

Принц из серебра и золота

сто, сокрытое тенью металлической конструкции. Это было нашим постоянным местом. Песчаная почва, казалось, воздвигла ровное место — только для нас, стэндлеров, для нас одних.

— Там мы разобьем наш лагерь, друзья.

Я почувствовала облегчение своего народа, когда они увидели, что нашему путешествию пришел конец, пусть этот конец и означал начало.

Потому что никогда бы не подумала, что судьба уготовила мне коварный план, от которого я не смогла бы убежать.

Медный город был концом. Медный город был началом.

София

Мы, стэндлеры, были паразитами, не причинявшими никакого вреда, по крайней мере, мы шуточно называли себя именно так. Нам нравилось бывать на праздниках, но как только те заканчивались, мы снова возвращались к роли маргиналов, к роли, которую предсказал для нас мир. Мы никогда не найдем дома — места, где нас приняли бы со всеми нашими цветами, развевающимися платками, инструментами и языческими песнопениями. Мы, стэндлеры, любили нашу свободу и наши собственные правила. Другие королевства — Смаракта на востоке, Фриоле на севере, Леало на западе и даже Купфоа на юге — жили по правилам своих королей и королев. Я не знала их законов. Но представляла себе довольно утомительным втискиваться в корсет, в котором невозможно было дышать. Я никогда не следовала чужим правилам. Возможно, это связано с тем, что я была одной из наследниц нашего народа. Но, может

Принц из серебра и золота

быть, и с упрямством, которое унаследовала от своей матери.

Мой отец любил рассказывать о ней истории, которые делали ее живой. Настолько живой, что казалось, будто я действительно знала ее до того, как ветер развеял ее прах. Я все еще слышала хриплый голос отца, который смешивался с потрескиванием костра, когда он рассказывал о ней. О единственной женщине, которую когда-либо любил. Теперь его рассказы стихли, а моя мать ушла навсегда.

«Истории остаются», — говорила Зан Захрай всякий раз, когда я скучала по его голосу.

— Истории остаются до тех пор, пока их есть кому рассказывать.

И так его истории продолжали жить во мне — Софии Рей Линн. Мои предки принадлежали к семьям-основателям странствующего народа, когда-то объединившихся в стэндлеров. Семья моего отца Рей, семья Захрай, к которой принадлежала наша старейшина, и семья Леан со своим гордым наследником Элиа.

Остальные семьи отказались от своей второй фамилии. Но я уверенно хранила их вместе. Словно между людьми, которых я носила в своем сердце, наконец исчезло расстояние: Ооли Рей и Лореной Линн.

Каждый стэндлер знал эти истории.

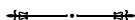
И все жили по принципам давно умерших идеалистов.

Свобода была главнейшей заповедью. Свобода и семья.

Вивиана Унарагирре де лас Кассас

Мой отец, Ооли, отстаивал эту философию до самой смерти, и я продолжала носить ее в сердце. Наверняка и я когда-нибудь скажу то же самое своим детям.

Вскоре мы закрепили колеса наших повозок камнями и воздвигли перед ними палатки. Тихий шепот, напоминающий водопад в Смаракте, ниспадающий в спокойное озеро, проносился среди усердно трудящихся стэндлеров. Они выгружали багаж или останавливались у реки, чтобы присмотреть за животными, которые жадно пили воду.

Я обвела взглядом наш красочный лагерь и привязала одну из тканей к своей повозке. Она была алой. Цвета семьи Рей, в честь моего отца Ооли.

Мой отец всегда говорил, что мы представляем многообразие народов. Были связующим звеном между множествами мест, которые не могли быть более различными. Это я видела каждый раз во многочисленных цветах, развевающихся на ветру, когда мы разбивали наш лагерь на новом месте. Совсем недавно мы были во Фриоле, ледяном королевстве на севере. В отличие от здешних башен, там они состояли из сплошного льда. Они вонзали свои длинные и когтистые пальцы в небо, словно могли разорвать облачный покров, скрывающий солнце, — впрочем, тщетно. Вместо этого непрерывно шел снег.

Несмотря на то, что холод притуплял боль, мысль о Фриоле всегда ощущалась острым ножом в моей гру-

Принц из серебра и золота

ди. Медный город служил пластырем, заживляющим рану. Мне не следовало оставлять там отца, упрекала я себя, глядя на башни Медного города. Я должна была позволить ветру развеять его прах здесь. Здесь, где мы всегда чувствовали себя как дома.

Сняв шляпу и вуаль, я вытерла пот со лба. Воскресенье¹ оправдывало свое название. Одно дело вспоминать легендарную жару Купфоа, и совсем другое — снова почувствовать ее на собственном теле. Я надеялась, что извилистые улочки города не застанут меня врасплох. Мы с Элиа часто играли среди них в прятки, пока наши родители зарабатывали деньги своими предметами искусства и представлениями. И столько же раз мы обогащались набитыми кошельками богатых горожан Медного города. Если кого-то ловили, то от имени короля отрубали палец, а иногда и всю руку. Меня так и не поймали, из-за чего Зан Захрай прозвала меня *Сорокой*. У Элиа, напротив, отсутствовал правый указательный палец уже десяток лет.

Я все еще помнила жалобный плач моего друга, когда лезвие нанесло ему увечье. Сегодня отсутствующий палец был его отличительной чертой. Он нередко хвастался этим перед девушками, строившими ему глазки. В его авантюрных историях всегда был виноват кровавый бой, а не собственная глупость. Он умел очаровывать женщин. Прелестные ямочки на щеках делали свое дело, если кто-то еще не успел утонуть в его зеленых глазах. Элиа всегда был невероятно кра-

---

¹ Воскресенье (Sonntag) дословно в переводе с немецкого — солнечный день.